

Проблема правового положения русских в китайской провинции Синьцзян в советско-китайских отношениях (1920–1924 гг.)

© 2017

Е.Н. Наземцева

В статье рассматривается проблема правового положения русских в китайской провинции Синьцзян в советско-китайских отношениях (1920–1924 гг.) Автор анализирует политику китайских властей в отношении бывших подданных Российской империи и русских эмигрантов, проблемы и особенности получения русскими советского гражданства и возвращения их на родину. Особое внимание уделено роли консульского корпуса СССР в Синьцзяне в урегулировании правового статуса русских и влиянию данного вопроса на советско-китайские отношения.

Ключевые слова: русская эмиграция, беженцы, дипломатия, правовое положение, СССР, Китайская Республика.

На Северо-Западе Китая, в провинции Синьцзян, правовое положение бывших русско-подданных и обосновавшихся здесь в первой половине 1920-х годов русских эмигрантов имело свои особенности, а урегулирование их правового статуса являлось важным фактором советско-китайских отношений в регионе.

Отношение к русским гражданам со стороны китайской администрации провинции начало меняться уже с весны 1917 г. В российское Министерство иностранных дел консулами были направлены сведения о падении престижа России, а также о случаях оскорблений русских подданных со стороны китайцев¹.

С началом Гражданской войны российские консулы в Синьцзяне, как и в целом в Китае, включились в активную борьбу с советской властью. Они поддержали омское правительство А.В. Колчака и тесно контактировали с командованием отдельных формирований белых. В частности, консулы В.Ф. Люба и В.В. Долбежев активно сотрудничали с командующим Семиреченской армией атаманом Б.В. Анненковым². Это сотрудничество было не только военным, но и гуманитарным. В частности для оказания материальной помощи начавшим прибывать в Синьцзян беженцам была создана специальная Особая комиссия, избранная 4-м кругом Семиреченского казачьего войска. Российским консульством в Кульдже этой комиссии было выделено 207 тысяч рублей³. На каждую семью отпущалось около 350 рублей⁴.

После окончания Гражданской войны в России в Синьцзяне оказалось около 50 тыс. русских беженцев и военных эмигрантов. Их политическое и правовое положение было очень сложным: были ограничены возможности передвижения по провинции, запрещена вербовка в белые части китайских подданных⁵. Для пребывания на террито-

Наземцева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (НИИВИ ВАГШ ВС РФ). E-mail: elenanazz@mail.ru.

рии Синьцзяна русские эмигранты должны были получить специальное разрешение у китайских властей. Так как в этот период в провинции еще отсутствовали советские консулы, ходатайствовали о получении таких разрешений специальные представители РСФСР⁶. Они же оформляли специальные удостоверения, разрешающие находиться на территории провинции бывшим русским подданным⁷.

Постепенно проблемы урегулирования правового статуса и улучшения правового положения русских беженцев и бывших русско-подданных, находившихся в провинции, стали важной частью советско-китайских отношений первой половины 20-х годов XX века. Переход на территорию провинции десятков тысяч беженцев и осложнение политической и социальной обстановки в Синьцзяне вынудили руководство провинции пойти на сотрудничество с представителями РСФСР для решения возникших проблем. В 1920 г. была создана беженская комиссия, в обязанности которой входили изучение положения беженцев в Илийском и Кашгарском округах Синьцзяна, в которых оказалось наибольшее число беженцев, и оказание им помощи при возвращении на родину. Китайские власти первое время оказывали содействие комиссии⁸, однако ее работа оказалась непродуктивной из-за отсутствия необходимых средств и сильного противодействия командования белых⁹.

Тяжелые условия эмиграции, в которых оказались бывшие русские граждане, вынуждали их возвращаться на родину. Анализ данных консульских обзоров о русской эмиграции в Илийском округе свидетельствует о постоянстве реэмиграционных настроений в среде военной эмиграции. По официальным данным консула СССР в Кульдже Д.К. Вазонова, за период с 1920 по 1923 г. в Россию выехали «20 Оренбургских, 10 Семиреченских и 50 человек офицеров разных губерний, 700 Оренбургских, 100 Семиреченских и 450 других рядовых казаков, всего — 1250 человек»¹⁰. Но следует учитывать, что многие уходили «самотеком»¹¹.

Процедура возвращения была довольно сложной. Сначала беженцы регистрировались в советском представительстве (например, в 1921 г. зарегистрированы 14 753 человека, в том числе 288 военных)¹². Затем они писали заявление на имя уполномоченного РСФСР на местах, заполняли анкеты, далее им выдавалось удостоверение о заявлении «себя русскими гражданами», справка о личности, кормовое довольствие¹³. После этого они попадали в распоряжение Уполномоченного Народного Комиссариата по Иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик по Западному Китаю¹⁴. Он, в свою очередь, выдавал им соответствующее заключение и направлял анкеты в НКВД¹⁵. После получения ответа из Москвы просителю выдавалось удостоверение о российском гражданстве¹⁶. Для беспрепятственного проезда на территорию СССР бывшему рядовому белой армии Управлением комиссариата по иностранным сношениям провинции выдавался пропуск¹⁷. При этом специально отмечалось, что консульский сбор с рядовых не взыскивался¹⁸. Напротив, бывшие русско-подданные, находившиеся в провинции, но не являвшиеся беженцами, консульский сбор уплачивали¹⁹. Однако, учитывая низкую заработную плату в провинции, материальное положение беженцев и влияние данных обстоятельств на желание зарегистрироваться, максимальная сумма сбора была невысокой — 6 руб. золотом, из которых 4,5 руб. стоило заявление и 1,5 руб. — временное удостоверение. В дальнейшем через каждые три месяца за возобновление документа взималось по 1 руб. 60 коп. с лиц, имеющих какое-либо имущество или постоянный заработок. Остальные от взносов освобождались²⁰.

Отчетность о зарегистрированных лицах ежемесячно предоставлялась в НКВД²¹. Следует отметить, что первое время половина всех консульских сборов взыскивалась неправильно, так как отсутствовали специальные инструкции. Иногда сборы вообще не брали. Кроме того, так как бывшие российские подданные не подвергались ранее вообще никакой регистрации, паспортов или удостоверений личности о принадлеж-

ности к русскому гражданству у них не было. Советские консулы даже предлагали выдавать паспорта «собственного изготовления»²².

Следует отметить, что, поскольку Постановление ВЦИК от 15 декабря 1921 г. о восстановлении в правах русского гражданства в Синьцзяне не было проведено, хотя и являлось «фундаментом основной консульской работы» по отношению к проживавшим здесь бывшим русским подданным, советским представителям для проведения учета русско-подданных в 1923 г. пришлось его воскресить²³. Однако уполномоченному НКВД в Средней Азии была дана директива: не придавать огласке Постановление до получения специальных указаний и временно ограничиться приемом заявлений и ходатайств от лиц, которые по своей инициативе обратились к уполномоченным. При этом за истечением срока применения общей амнистии, дарованной ТуркЦИК 20 июня 1922 г. и распространенной на Западный Китай, к солдатам белых армий должны были применяться правила об амнистии, которые применялись не только к гражданам РСФСР, но и к уроженцам всех республик, входящих в Союз²⁴.

Спустя некоторое время «специальные указания» были получены: до заключения советско-китайского соглашения об установлении отношений и открытии всех пяти консульств в Синьцзяне не объявлять о производстве общей регистрации в Западном Китае. Это планировалось сделать после заключения договора, параллельно указав срок. При этом экономико-правовым отделом НКВД обращалось внимание на то, что обычно устанавливался тот срок, который предлагался уполномоченными НКВД на местах, в данном случае — 1 год²⁵. Кроме того, до сих пор не были обозначены права самих советских представителей по восстановлению бывших российских граждан в советском гражданстве. Уполномоченный НКВД в Илийском округе сделал по этому поводу специальный запрос в НКВД. Это произошло только в 1925 г., согласно циркулярному письму Г.В. Чичерина от 25 / VII-25 г. № 0712 на имя всех консулов в Западном Китае²⁶. На Коллегии НКВД было решено ввиду дальности расстояний и необходимости урегулирования правового положения бывших русских подданных предоставить уполномоченным в Западном Китае право принимать заявления о регистрации и восстановлении в правах от лиц, которые будут по своей инициативе обращаться к уполномоченным за признанием их сохранившим советское гражданство или подлежащими амнистии, или имеющими право на восстановление в гражданстве. При этом уполномоченному в Урумчи предоставлялись следующие права: а) решение вопросов о признании того или иного лица сохранившим советское гражданство; б) сообщения заявителям заключений по делам, подлежащим рассмотрению ЦИК СССР, т.е. о восстановлении в правах (а также о принятии в гражданство иностранцев); в) выдача этим лицам заграничных видов и свидетельств на возвращение в СССР от своего имени. Уполномоченным же в Чугучаке и Кульдже предоставлялось только право принятия заявлений и пересылки их Уполномоченному в Урумчи, а с другой стороны — пересылки выданного заграничного вида или свидетельства²⁷. Лица, пропустившие срок регистрации, считались потерявшими гражданство и могли приобретать его только на тех же основаниях, что и иностранцы. Разумеется, что никаких паспортов «собственного изготовления» выдавать не разрешалось, так как, согласно директиве НКВД, уже имелись установленные формы бланков²⁸. Для этого экономико-правовой отдел НКВД специально направил приказ в отдел виз о необходимости выслать Уполномоченному НКВД в Урумчи необходимое количество бланков, которые он мог выдавать при проведении декрета²⁹. Лицам, не имеющим новых документов, удостоверяющих личность и статус, разрешалось проживать по документам Российской империи, а не имеющим никаких документов, но желающим выехать в СССР, выдавались специальные свидетельства³⁰.

Все регистрирующиеся делились на четыре категории: 1) проживавшие в провинции до 1918 г. гражданские лица русской национальности; 2) бежавшие в Синьцзян в 1918–1920 гг.; 3) киргизы, дунгане, бежавшие в Синьцзян в 1916–1920 гг.; 4) остатки

белогвардейских армий атаманов А.И. Дутова, Б.В. Анненкова и генерала А.С. Бакича, интернированные китайскими властями и не вернувшиеся в Россию³¹.

Исключением из правил регистрации в советском гражданстве были дела следующих лиц, признанных гражданами СССР, виза которым на въезд в СССР выдавалась без запроса центра: киргиз-кочевников, принадлежащих к коренному населению Средней Азии, жителей пограничных районов с Западным Китаем — узбеков, таджиков и киргизов, а также граждан русской национальности, если они принадлежали в момент оставления территории бывшей Российской империи «к рабочему и трудовому крестьянству и, если они оставили пределы бывшей России в силу давления колонизаторской политики бывшего царского правительства или выехали под влиянием голода и басмачества». Специально оговаривалось, что настоящее правило распространялось на указанные категории бывших российских граждан даже в том случае, если эти граждане «под влиянием принуждения китайских властей приняли великобританское гражданство»³².

Выдавать заграничные виды, свидетельства в СССР (лицам, потерявшим гражданство) или эвакуационные свидетельства (амнистированным солдатам) мог Уполномоченный в Урумчи без запроса центра. Белые же офицеры и эмигранты могли получать от него же заграничные виды или свидетельства на возвращение в СССР только по восстановлении их ЦИК СССР в правах³³. Однако выдача заграничного вида не означала получения разрешения на въезд в СССР, которое должно было выдаваться отделом виз. После получения разрешения для выезда в СССР выдавалось специальное свидетельство. Амнистированным выдавалось эвакуационное свидетельство и виза без запроса центра³⁴.

Получившие разрешение на въезд в СССР беженцы первоначально следовали до Джаркенда, где поступали в распоряжение ГПУ, которое получало специальные средства от НКВД для дальнейшей отправки их в Алма-Ату. Здесь беженцы проходили «первый серьезный фильтр», затем направлялись в ГПУ Ташкента, и уже после этого — по своим местам в СССР³⁵. Все военнослужащие белых армий при возвращении на родину также обязательно водворялись на жительство в те области и края, где проживали до революции и только оттуда после получения специального разрешения местных властей могли выезжать в другие местности, если у них возникало такое желание³⁶.

С весны 1923 г. поток русских эмигрантов, направлявшихся в СССР из Синьцзяна, увеличился. В основном это были те, кто намеревался перейти границу нелегально. Они не были зарегистрированы в советском консульстве. Среди них были и офицеры, так как многим из них в регистрации и восстановлении в гражданстве СССР было отказано. Были и те, кто подавал повторные заявления и, в конце концов, добивался получения советского паспорта, другие же вынуждены были устраивать свою жизнь в эмиграции³⁷. Как отмечал советский консул, «тяготение к возвращению в Россию было у всех, но от этого шага удерживал страх, а потому большинство конечным пунктом странствований считало Америку, надеясь там устроить свою будущность»³⁸. Некоторые группы русских беженцев вообще не стремились подавать документы на регистрацию и промышляли в приграничье мелким грабежом и попрошайничеством, что серьезно осложняло ситуацию на советско-китайской границе³⁹.

Поскольку определение правового статуса русских эмигрантов требовало времени, и они не имели права свободного передвижения по территории провинции, многие не могли найти подходящую работу, чтобы прокормить себя и свои семьи. Поэтому их материальное положение было очень тяжелым. Первоначально помощь беженцам оказывало отделение Русско-Азиатского банка в Синьцзяне. По данным советского консульства, банк никогда не отказывал в поддержке. Средства слагались из сумм, специально отпущенных банком, а также из добровольных пожертвований служащих⁴⁰. Однако помощь банка не могла быть бесконечной и не решала всех проблем. К концу 1923 г. банк вообще прекратил ее оказывать⁴¹.

Уполномоченный НКВД в Кульдже З.И. Печатников неоднократно сообщал в НКВД, что материальные условия «остатков белогвардейщины» в Илийском округе очень тяжелые. Солдатам и офицерам «приходится пускаться «во все тяжкие», чтобы добыть хлеб насущный», плохо одетые, изнуренные «бывшие» капитаны, есаулы и полковники производили «довольно жалкое впечатление», хотя «отдельные единицы» жили сносно⁴². Позже об этом сообщал и консул СССР в Кульдже Д.К. Вазонов. В частности, он приводил следующий пример: «В ужасных условиях находились работавшие по добыче железной руды (около 70 человек). Дневной паёк был полтора фунта муки и больше ничего. Большинство не имело рубах, а только шаровары и рваный бараний полушубок. В таком положении вся партия проработала зиму, а весной, по личной просьбе, была отправлена китайскими властями в СССР»⁴³.

Такое материальное положение русских эмигрантов серьезно затрудняло их реэвакуацию в СССР, которая должна была осуществляться группами по 50 человек. Однако казаки и солдаты, бывшие в белой армии, обычно приходили регистрироваться поодиночке, причем каждый из них настолько нуждался в помощи в первый же день, что не было возможности их держать до того времени, когда соберется 50 человек. По этим причинам отправление их походным порядком от Кульджи до Алма-Аты, как предполагалось, на деле оказывалось неосуществимым. Как отмечал Печатников, «все эти казаки так скверно одеты, по крайней мере, в последнее время являются большинство почти босыми и без верхней одежды, что пускать их в таком виде путешествовать по Джетысуйской области по меньшей мере нецелесообразно, да к тому не особенно выгодное впечатление мы оставим у неэвакуированных, по существу невежественных крестьян», да и местные жители по пути движения означенных казаков, «видя, в каком виде мы возвращаем из Западного Китая, вряд ли хорошо отзовутся о совласти». Учитывая ситуацию, представитель НКВД предлагал проводить реэвакуацию группами по 10–15 человек, предоставив им возможность ехать на подводах до первой железнодорожной станции⁴⁴.

Отношение властей Синьцзяна к русским эмигрантам и бывшим русско-подданным, которые регистрировались в советских консульствах, но пока не оформили советского гражданства, было отрицательным. Зарегистрировавшись, они теряли те немногие права, которые у них имелись наравне с местными гражданами провинции. При этом следует учесть, что зарегистрировавшийся в консульстве бывший русский подданный, желающий затем получить гражданство СССР, вынужден был довольно длительный срок ждать утверждения его в правах гражданства. В результате в этот период времени он оказывался вне закона: не гражданин Китая, но и не гражданин СССР. Иногда доходило и до репрессий со стороны китайских властей⁴⁵. В 1923 — начале 1924 г. советскими представителями были получены сведения о двух случаях смертной казни бывших российских граждан⁴⁶. От зарегистрировавшихся, но еще не восстановленных в правах гражданства СССР поступали массовые жалобы на различные притеснения. Более того, руководство провинции пыталось заставить русских принять китайское гражданство. Советские представители старались урегулировать эти вопросы, но китайские власти не шли на уступки.

По мнению советских представителей, причина таких действий китайских властей заключалась в отсутствии соответствующих договорных отношений СССР с Китаем в начале 1920-х годов, с одной стороны, и запрета на публикацию Постановления о лишении гражданства — с другой.

Однако положение не изменилось и после установления советско-китайских отношений в 1924 г. Китайские власти препятствовали советским консулам вести работу по выдаче пропусков русским беженцам для выезда из провинции, не позволяли производить объезды округов в целях регистрации беженцев, объясняя это опасениями распространения советской пропаганды⁴⁷. Так, в политической сводке за 4–17 декабря 1925 г. о положении в Кашгарском округе, составленной генконсулом СССР М.Ф. Дум-

писом, отмечалось следующее. По архивным данным бывших царских консульств, в 1910 г. консульством была проведена точная регистрация российских граждан округа, регистрируемым выдавались особые торговые билеты (*тун шан пяо*), визируемые китайскими властями. Всего российских граждан в округе оказалось тогда до 10 тыс. человек⁴⁸. В основном это были коренные жители Кашгарии — сарты. Главной задачей прибывшего советского консула стала их регистрация и восстановление в советском гражданстве. Хотя в предыдущие годы «особенных репрессий со стороны китайских чиновников по отношению к бывшим российским гражданам не наблюдалось», однако три недели спустя после приезда М.Ф. Думписа положение изменилось: начались репрессии вплоть до избиения, вымогательства, отправления в тюрьму по малейшему поводу и безо всякого повода, имели место и принуждения принять китайское подданство. Стараясь урегулировать положение, генконсул направил письмо на имя кашгарского губернатора и заведующего иностранными делами, в котором заявил о необходимости принятия срочных мер к прекращению указанных неправомерных действий. В результате данные явления прекратились⁴⁹.

Не обходилось и без специальных методов вредительства, направленных на срыв регистрации. Например, илийский даоинь на основании ежедневных заявлений от жителей Илийского края обвинил советские власти в Ташкенте, Алма-Ате и других городах Средней Азии в организации союза грабителей численностью около 3 тыс. человек, снабженных оружием «для ограбления Илийского края». По данным даоиня, часть награбленного данный союз должен был направить в казну советской власти, другую — на личные нужды грабителей. В подтверждение активных действий упомянутого союза даоинь приводил случаи грабежей около г. Боротала, Текес и Кульджа. Несмотря на категорический протест советского представителя и указания, что все заявления являются злостной провокацией, последний в письменной форме требовал сообщения советскому правительству об уничтожении упомянутого союза⁵⁰.

Активно препятствовали реэмиграции и различные белоэмигрантские организации Синьцзяна. Например, в 1923 г. ими были распространены слухи, объясняющие советскую политику реэмиграции необходимостью увеличить контингент людей для мобилизации из-за обострения отношений с Великобританией. Это привело к тому, что некоторые зарегистрировавшиеся даже возвратили уже полученные для выезда в СССР документы⁵¹.

Кроме того, многие бывшие российские граждане вообще не знали о том, что они не имеют гражданства, так как, напомним, декрет об этом в Синьцзяне так и не был опубликован⁵².

В связи с этим консулы просили экономико-правовой отдел НКВД пояснить, «в какой мере возможна защита бывших российских граждан до восстановления ими советского гражданства», так как «по политическим соображениям это крайне необходимо»⁵³. Экономико-правовой отдел НКВД предлагал весьма радикальный выход из сложившейся ситуации. Из служебной записки помощника заведующего этим отделом Г.Н. Лашкевича следовало, что, учитывая «бесправие, господствующее в Илийской провинции», есть все основания «к изъятию юрисдикции над нашими гражданами из рук местной администрации»⁵⁴. Он считал, это можно обосновать тем, что в китайской конституции Синьцзян был изъят из судебной системы и суд официально передан в руки администрации. Лашкевич предлагал закрепить это соглашением с местной правительственной властью⁵⁵. Проект протокола, который мог бы быть положен в основу переговоров об установлении особой юрисдикции над советскими гражданами в Западном Китае, прилагался. Однако НКВД не принял это предложение.

Подобное положение в решении «русского вопроса» объяснялось не только отсутствием официальных дипломатических отношений между Китайской Республикой и СССР в 1920 — начале 1924 г., но и отсутствием единства в определении политики

провинции по отношению СССР в правительстве Синьцзяна. Губернатор Ян Цзенсинь стремился к налаживанию взаимовыгодных экономических и политических контактов с Советским Союзом. В этом его поддерживали крупное чиновничество и мусульманское купечество. Однако взоры комиссара по иностранным делам провинции — Фань Яонаня и другой части купечества были обращены на Восток. Налаживание связей с СССР воспринималось ими как усиление советского влияния в регионе⁵⁶. Так как противоречия в провинциальном руководстве отражались на мероприятиях по репатриации, советские представители обратились за помощью непосредственно к Фаню, но не получили поддержки. Несмотря на неоднократные личные переговоры генерального консула СССР А.Е. Быстрова с Фанем, последний не шел на уступки и продолжал видеть в этом давление со стороны Советского Союза «на свободное проявление воли жителей Синьцзяна»⁵⁷.

Существенно тормозило регистрацию беженцев и их реэвакуацию в СССР отсутствие средств, о чем консулы неоднократно докладывали в Москву⁵⁸. Деньги были получены только в 1923 г. — 10 тыс. руб. золотом⁵⁹. По мнению советских представителей, данных средств «при слабом наплыве белых офицеров» должно хватить еще надолго⁶⁰.

Тем не менее регистрация осуществлялась, хотя и не такими быстрыми темпами, как планировалось. В среднем, в середине 1920-х годов ежемесячно регистрировалось в советском консульстве в Синьцзяне от одного до семи человек с последующим восстановлением их в гражданстве СССР и возвращением на родину. В основном это были представители военной части эмиграции⁶¹. Богатые купцы и командование воздерживались от получения советского гражданства, так как опасались репрессий со стороны советских властей за участие в белогвардейских отрядах⁶².

Следует отметить, что советское руководство часто отказывало русским беженцам в получении гражданства. Например, из ведомости о деятельности представительства НКВД СССР в Западном Китае по регистрации граждан СССР в Синьцзяне за время с 1 сентября по 1 ноября 1924 г. следует, что в представительство НКВД в Западном Китае поступило 15 делопроизводств о регистрации и восстановлении гражданства СССР. Однако от НКВД разрешений на восстановление гражданства получено не было⁶³.

К середине 1920-х годов в Илийском округе, главным образом в Кульдже и Суйдуне, по данным Уполномоченного НКВД в Кульдже на 1924 г., оставались интернированные остатки белых отрядов атаманов А.И. Дутова, Б.В. Анненкова, генерала А.С. Бакича. Численность их была невелика: оренбургских казаков до 500 человек, сибирских — около 50 человек, семиреченских казаков и крестьян с семьями всего до 300 человек. Всего русских беженцев около 800 человек, из которых не менее 300 человек казаков и 100 человек их семей по всем данным собирались вернуться на родину в текущем году⁶⁴.

В то же время, по утверждению советских представителей в Синьцзяне, несмотря на продолжающуюся регистрацию рядовых казаков для выезда в СССР, в Суйдуне сохранялось подобие организованного отряда, который насчитывал 190–200 казаков, в том числе 60 офицеров. Этому способствовала материальная поддержка, оказываемая Илийским Джен Шоу Ши, который надеялся использовать их для урегулирования внутривнутриполитических проблем провинции. Например, в апреле 1924 г. в Суйдуне собрались 190–200 казаков отряда, так как предполагалось направление их в Кашгарский округ для борьбы с восставшим там местным населением. Однако восстание было ликвидировано китайскими властями и казаки разошлись⁶⁵.

Чтобы ускорить процесс получения гражданства русскими эмигрантами, советские консулы предлагали Москве проводить более гибкую политику по отношению к белой эмиграции в Синьцзяне, учитывая то, что со временем эмиграция стала практически не опасной для советской власти. В своих отчетах, направляемых в центр, они отмечали: «если бы нам удалось устранить враждебность, внести элемент взаимного

доверия», тогда «белых было бы куда легче растворить» и из врагов превратить, если не в друзей, «но, во всяком случае, в людей более или менее благожелательно относящихся к советской власти»⁶⁶. Однако директив, которые дали бы возможность так действовать, не поступало. Между тем, по справедливому замечанию З.И. Печатникова, деление на два лагеря — «красных» и «белых» — вредило укреплению советского влияния и престижа в Синьцзяне⁶⁷.

Таким образом, положение бывших русско-подданных и беженцев в Синьцзяне в первой половине 1920-х годов было достаточно сложным. Оно зависело от специфики ситуации в самой провинции и от взаимоотношений ее руководства с новой — советской — властью в России. Существенно осложняла правовое положение русских и противоречивая политика китайских властей.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 75.
2. Бармин В.А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б.П. Гуревича. Барнаул, 2006. С. 247.
3. АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1580. Л. 1.
4. Там же. Л. 6.
5. Миrowsкая Р.А. Советский Союз и Китай в период разрыва и восстановления отношений (1928–1936 гг.) / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Информационный бюллетень № 67. М. 1975. С. 110.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 311. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 13.
7. АВП РФ. Ф. 311. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 1.
8. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 32.
9. Там же. Л. 33.
10. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 41.
11. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 34.
12. Там же. Л. 33.
13. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 8.
14. Там же. Л. 9.
15. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 38.
16. Там же. Л. 41.
17. АВП РФ. Л. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 11.
18. Там же. Л. 22.
19. Там же. Л. 14.
20. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 41.
21. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 60.
22. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 4.
23. Там же. Л. 6. См. текст Постановления: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Возвращение... 1921–1924 гг. М., 2002. С. 81.
24. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 25.
25. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 96.
26. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 21.
27. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 7.
28. Там же. Л. 14.
29. Там же. Л. 24.
30. Там же. Л. 14.
31. Там же. Л. 39.
32. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 21.
33. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 44.
34. Там же. Л. 46.

35. Там же. Л. 36.
36. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 65.
37. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 44.
38. Там же. Л. 45.
39. Там же. Л. 43.
40. Там же. Л. 44.
41. Там же. Л. 45.
42. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 44.
43. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 45.
44. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 23.
45. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 4. Д. 408. Л. 1.
46. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 19.
47. Там же. Л. 19, 54.
48. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 106.
49. Там же. Л. 107.
50. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 71.
51. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 35.
52. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 53.
53. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 95.
54. Там же. Л. 1.
55. Там же.
56. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 18. Д. 74. Л. 3.
57. Там же. Л. 6.
58. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 43.
59. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 33.
60. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 18. Д. 74. Л. 6.
61. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 3, 61, 135.
62. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 18.
63. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 118.
64. Там же. Л. 59.
65. Там же. Л. 71–72.
66. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 45.
67. Там же. Л. 44.